

АЗБУКА ВЕРЫ

иером. Мефодий

Святоотеческое учение о догмате и ереси

Святоотеческое учение о догмате и ереси

иером. Мефодий

1. Догмат

Подобно многим христианским терминам, слово «догмат», как правило, употребляется в разговоре, в средствах массовой информации в искаженном виде, причем слову этому придается отрицательный оттенок чего-то мертвящего, застывшего в стагнации. На самом же деле слово το δόγμα происходит от греческого глагола δοκέω, который означает «думать, полагать, верить». Но «δόγμα» означает уже не мнение, а конечный результат – твердое убеждение, положение, ставшее предметом согласия, или религиозную истину, ставшую предметом несомненной веры.¹

Поэтому еще в глубокой греко-римской древности термин «догмат» стали прилагать к такого рода философским учениям, которые были общеизвестны и бесспорны. У Платона в диалоге «Государство» догматами называются постановления и решения правительства, относящиеся к понятиям справедливого и прекрасного. Св. Исидор называл Сократа «Законоположителем догматов аттических», а учение Платона и стоиков – догматами. Догматами в этом же смысле могли называться древними церковными писателями религиозные верования язычников ([Созомен](#)) и лжеучения еретические ([Евсевий Кесарийский](#)), как имевшие притязания на усвоение себе неоспоримой истины.²

В Священном Писании в книге Деяний Святых Апостолов догматами называются апостольские определения, имеющие уже непосредственное отношение к жизни христианской Церкви. «Проходя же по городам, они (апостолы Павел и Сила) передавали верным соблюдать определения (τα δογματα), постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме» (Дн.16:4). Это были вероучительные и дисциплинарные решения Апостольского Собора, которые имели силу обязательного закона для всех членов Церкви Христовой.

Однако уже к IV веку в Церкви постепенно произошло разделение понятий «догмат» и «канон». Само слово «догмат» стало прилагаться

только к предметам вероучения, а нравственные заповеди и вопросы церковной дисциплины стали обозначаться терминами «канон», «правило». Догматами стали называться истины веры в отличие от истин литургических, канонических, нравственных и т. д. Причем особенно важно то, что на Вселенских Соборах слово «догмат» употреблялось только для вероучительных истин, имеющих несомненный, непререкаемый и непреложный характер. Преп. [Викентий Лиринский](#) пишет: «Догматам небесной философии не свойственно подвергаться какому-либо изменению, отсечению или уродованию, подобно учреждению земному, которое может усовершаться только непрерывными поправками»³.

Выражение «догмат», употребляемое в догматическом богословии, обозначает точно выраженную, неизменную в Церковном сознании истину, обладающую 4 признаками:

1. Вероучительность или Теологичность. Этот признак принципиально отличает догматические истины от нравственных и других истин, ибо догматические истины всегда говорят о Боге и Его отношении к миру и человеку, а для нравственных истин главным предметом является человек в его отношении к Богу
2. Богооткровенность. Этот признак характеризует догматы как истины, открытые людям Самим Богом в Его Божественном Откровении
3. Церковность. Этот признак указывает на среду в которой существуют догматы, а именно Церковь Христова есть единственный законный обладатель, хранитель и толковник догматических истин
4. Законообязательность. Человек, не признающий совокупности или некоторой части догматов Церкви, независимо от объема непризнанных Богооткровенных истин не может быть полноценным членом Церкви как Тела Христова⁴.

Та истина, которая не имеет хотя бы одного из этих признаков, не может считаться догматом.

О великом значении догматов для всех верующих святые отцы высказывались ясно и недвусмысленно. Так свт. [Кирилл Александрийский](#) говорит: «Стараться следовать святым догматам – это достойно удивления. Это доставляет жизнь бесконечную и блаженную, и понесённый для этого труд не останется без возмездия. Свет дел, если он чужд правых догматов и неповреждённой веры, душе человеческой, как думаю, не доставит никакой пользы. Ибо, как

вера без дел мертва есть (Иак.2:20), так и противное истинно... А прямое видение глаз внутри сокровенных состоит в том, чтобы иметь возможность различать остро и точно, как следует, суждения, произносимые о Боге. Ибо мы видим в зеркале гадательно и знаем отчасти (1Кор.13:12), но, Кто из тьмы открывает бездну (Иов.12:22), Тот прольёт свет истины тем, которые хотят составить о Нём правильное познание». То есть для правого разумения глубин догматических истин совершенно необходима благодать Духа Святого, Который обитает в Церкви, наполняя ее мистическое Тело. Посему вне Церкви возможно лишь формальное знание догматов, но не спасительное вращение в них. Кроме того, естественный человеческий разум, не облагодатствованный Духом Божиим, не может вместить небесную сверхъестественную философию догматов и потому практически всегда искажает живые догматы веры уродливо проецируя их на плоскость рационального мышления.

«Отступить от правоты святых догматов есть не что иное, как явно уснуть в смерть; от такой правоты отступаем, когда не следуем Писаниям Богодухновенным, а увлекаемся или предрассудками, или усердием и привязанностью к тем, которые содержат веру неправо, когда начинаем преклонять силу нашего ума и вредить прежде всего своим душам. Должно поэтому согласоваться с теми, которые тщательно исследовали правую веру по разуму священных проповедей, которые и передали нам Духом Святым. Так некоторые содержащееся в Символе Веры клонят туда, куда не должно, или потому, что не понимают правильно силы слов Символа, или потому, что, увлекшись писаниями некоторых, пришли к фальшивому смыслу. Осуждение должно относиться не к одному, но ко всякой, так сказать, ереси, или хуле, которую составили нововводители против благочестивых догматов Церкви»5.

2. Ересь

Свт. [Марк Эфесский](#) подчёркивал, что «еретиком является и тот, кто хотя бы и немногим отклоняется от Православной веры»6, а свт. Фотий Константинопольский вслед за свт. [Василием Великим](#) говорил, что пренебрежение и малым чем в вопросах вероучения может вести к полному пренебрежению доктрины Церкви.

Что же касается самого понятия ереси, то по мысли свт. Григория Богослова «ересь есть не что иное, как искажение веры, хранимой Церковью. Не имея для себя опоры в истине, ересь придумывает для оправдания свои начала, она цепляется слова и, извращая их смысл, и в конце концов отвергает тем и слова Писания. Вместе с искажением веры ересь представляет из себя также расторжение союза любви, наследия тоже отеческого»7.

Согласно прот. Георгию Флоровскому «еретическим является не только то, что действительно и прямо противоречит догматическому вероучению, но так же и то, что присвоает себе общеобязательное и догматическое значение, заведомо не имея его. Для заблуждающегося христианского сознания характерно именно это стремление к логическому исчерпанию веры, как бы к подмене живого Богообщения религиозно-философской спекуляцией о Божественном, жизни – учением. Заблуждения и ереси всегда рождаются из некоего ущерба церковной полноты, из угасания церковного самочувствия, являются следствием эгоистического самоутверждения и обособления. И в последнем счёте всякое отделение от Церкви, всякий раскол или схизма есть – в зачаточном виде – уже ересь, ересь против догмата о Церкви; история свидетельствует, что в отколовшихся сообществах рано или поздно, но совершенно неизбежно вероучение претерпевает глубокие искажения и извращения и в конце концов может совершенно разложиться. Ибо, по резкому выражению св. Киприана Карфагенского, «всякий, отделяющийся от Церкви, присоединяется к жене незаконной...»8.

Преподобный [Викентий Лиринский](#) замечает о еретиках еще следующее, что они «умышляя составить ересь под чужим именем, всегда почти стараются найти малоизвестное сочинение какого-нибудь древнего мужа, по неясности своей как будто благоприятствующее их учению и выставляют на ветер память такого святого мужа, как будто прах какой, и что надлежало погребсти молчанием, о том разглашают чрез неумирающую никогда молву. Тем самым они в точности подражают зачинщику своему Хаму»9.

Само слово «Ересь» – слово греческое (αἵρεσις) – имеет несколько оттенков значения и переводится как «взятие», «захват»,

«склонность», «секта». Может означать также вообще какое-либо отдельное учение, направление, школу. Так, христианское учение при появлении своем иногда называлось ересью (Деян.28:22). Но впоследствии название «ересь» усвоилось единственно произвольному и ложному учению о христианстве, отделявшемуся и отличавшемуся от учения Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви на основе выбора, отделения, вычленения из полноты Церковного вероучения некоторой части, причем части искаженной, изуродованной, выдранной из единого живого организма Церкви. Это по-видимому связано с главным значением соответствующего глагола $\alpha\rho\epsilon\omega$ – «захватывать», «привлекать на свою сторону»¹⁰.

По слову свт. Игнатия Кавказского (Брянчанинова): «ересь – это страшный грех, заключающий в себе хулу на Святого Духа, совершенно отчуждает человека от Бога и предает во власть сатаны. К ересям должно отнести и то учение, которое, не прикасаясь ни догматов, ни таинств, отвергает жителство по заповедям Христовым и по наружности кажется как бы не враждебным христианству, а в сущности вполне враждебно ему: оно – отречение от Христа»¹¹. Не случайно преп. [Серафим Саровский](#) передал через преданного ему Мантурова живущим вокруг Сарова старообрядцам, чтобы «они вернулись ко Христу». А эти люди были аскеты и молитвенники по большей части не искажавшие ни Символ Веры в его сущности, ни другие догматы, но погрешившие против Церкви как Единого Тела Христова.

В Церковной истории известно не мало случаев, когда «многие проводили самую строгую подвижническую жизнь, пребывая в ереси или расколе; когда ж приняли Православие, подверглись различным слабостям. К какому это должно привести заключению? К такому, что в первом состоянии враг не ратовал против них, признавая их своими, а во втором – восстал против тех лютою войною, как против таких, которые явно объявили и исповедали себя противниками его»¹².

3. Церковная дисциплина, форма и содержание

Если отцы и учителя Церкви Христовой стояли за абсолютную неизменность догматов по их существу, допуская и признавая лишь

историческую необходимость терминологической шлифовки их формулировок, то иное мнение высказывают они о канонических и дисциплинарных вопросах. Так св. [Дионисий Александрийский](#), говоря о церковной дисциплине, подчеркивает, что следует в таких делах «подчиняться предстоятелям отдельных Церквей, которые, в силу божественного посвящения, стоят во главе служения. А суд о делах их (самых епископов) предоставляем Господу нашему.

Изложенная речь св. Дионисия с нарочитым различием предметов веры и дел церковных дисциплины замечательна: в ней ясно утверждено, что должно быть полное согласие вере между всеми епископами или должна быть соблюдаема едина вера во Вселенской Церкви; но возможно различие в поместных церквах в дисциплине; она предоставляется усмотрению епископа отдельной церкви. Это различие отнюдь не должно сопровождаться нарушением единения между епископами Вселенской Церкви, ибо ответ в таких делах епископ отдельной церкви несёт перед Господом.[13](#)

Нужно помнить, что здесь имеются в виду, не догматы Церкви, но её дисциплина: если в первом случае должна быть сохраняема неизменность апостольского учения во все времена, то во втором случае, смотря по обстоятельствам, могут быть допущены добавления, ослабления, а иногда даже отменения. Соображаясь со всем этим, в рассматриваемом месте нужно видеть именно только проявление отеческого человеколюбия, несомненно вызванное обстоятельствами, не нарушающее апостольского установления, не противоречащее Писанию и возможное в области церковной дисциплины.[14](#)

Старообрядческий раскол в Русской Церкви был вызван различными причинами, среди которых с догматической точки зрения важно указать на не различие в сознании большинства членов Русской Церкви того времени между понятиями догматическими и дисциплинарно-каноническими, а также не понимание разницы между формой, каковой в Богослужении выражается вера, и содержанием этой веры. И если Церковь в ходе своей священной истории могла и считала нужным менять и усовершенствовать формы, словесные формулы которыми выражалось неизменно и бережно хранимое Ею Ее же вероучение, то тем паче Церковь исторически

признавала возможность и порой необходимость гибкости в вопросах форм выражения Ее вероучения в Богослужении. Наглядным примером тому может служить полемика старообрядцев о форме Креста Христова, в которой многие из них настаивали на исключительном значении и возможности изображать его только 8-конечным. Св. праведный отец Иоанн Кронштадский в своей академической работе пишет по этому поводу следующее: «крест мы чтим как истинный и никогда не спорим и не спорили о концах, потому что почитаем его ради Господа, а не ради числа концов» «безмолвное, умное, благоговейное почитание Креста эти люди (старообрядцы) обратили в болтливый, дерзкий и безрассудный спор о концах его, мало того – в страшные и нелепые хулы против него» (называют 4-конечный крест печатью антихриста!). Многие их мудрования были «вредны уже тем, что сильно отзывались новизною и самонадеянной и бесстыдной удалью»¹⁵.

История Церкви знакома с плюрализмом форм выражения ее веры в Богослужебной практике. Наглядным примером тому служит разнообразие литургических анафор, чинопоследований служб суточного круга, церковных уставов встречающееся в обилии начиная уже с первых веков бытия христианства.

4. Экклесиологические соблазны

Единство, как и все остальные ключевые свойства Церкви суть отражение таинственного единства и бытия Святой Троицы. «То, что по природе превечно существует в отношениях Трех Божественных Лиц, дается по благодати человеческому существованию».¹⁶ Способ единения Церкви – это образ Тринитарного единства. Таково тринитарное экклесиологическое основание. И Раскол или ересь ради изобретенных ими каких либо иных принципов готовы пожертвовать этим основанием Церкви и осуществляют борьбу за сохранение своего помрачения, продление смуты, свидетельствуя о том, что «никогда не знали по-настоящему ни Церкви, ни ее нерушимого единства, которое основывается на «раздробляемом и неразделяемом» Господе и на Святом Духе, «который, разделяемый не страждет и не перестает быть всецелым (св. Василий Великий, О Святом Духе)».¹⁷

По определению В.Н Лосского «есть два основных соблазна о Церкви, к которым можно применить имена двух христологических ересей – монофизитства и несторианства. Экклезиологические монофизиты желают только хранить Истину и умерщвляют церковную икономию, ту многообразную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельности Церкви, посредством которой Она питает мир. Экклезиологические несториане ради икономии готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви, и, вместо того чтобы оплодотворять ею мир, начинают искать во вне, в человеческом творчестве (философском, художественном, социальном и т. д.) питания для Церкви. Первые забывают, что Церковь хранит божественные сокровища ради спасения мира; вторые перестают видеть, что источник жизни и ведения Церкви не мир, а Дух Святой»[18](#).

Профессор Лосский В.Н. с болью отмечал, что в наше время «понятие о Церкви как Экклезии с Ее канонически-иерархической структурой, за единство и самобытность которой пред лицом мира ответственны прежде всего иерархи, а затем каждый из нас, – исчезает из сознания многих. Если конкретно-историческая Церковь не есть само подлинное Тело Христово, призванное существовать в условиях современного мира, то конечно все становится относительным и безразличным»[19](#).

Расслабление церковного сознания, грех уныния по отношению к Церкви, неверие в полноту Ее сил, которые Она рано или поздно проявит в ее историческом пути – не новость. «Подобные настроения, конечно, наличествовали у многих и в эпоху вселенских соборов. Достаточно почитать древних историков или иные свидетельства современников, которые за частными несовершенствами не умели распознать золотую линию Церкви»[20](#). Отказываясь от необходимого для всякого христианина подвига веры, в том числе, подвига веры в Церковь Христову, нетерпеливые христиане либо отказываются от самой возможности присутствия Полноты Истины в земной жизни (церковные несториане), либо чрезмерно спешат нащупать полноту Ее реализации в настоящее время, но претыкаются о видимые несовершенства Ее исторического бытия. Сознание такого «церковного монофизита» в конце концов также неизбежно отделяет

мыслимую им «истинную Церковь» от Ее реального Тела, и как ни парадоксально, постулируя чистую духовность, теряет Дух Божий и впадает в хулу на Него. Неспособность ожидания с целью услышать веяние Духа Божия выбрасывает сторонников обеих крайностей из русла Священного Предания Церкви.

Мы можем дать точное определение Священного Предания, как критерия истины, сказав, «что оно есть жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присутствии ей свете, а не естественном свете человеческого разума. Это – тот истинный гнозис, который подается действием Божественного Света, дабы просветить нас познанием славы Божией (2Кор.4:5), это то единственное «Предание», которое не зависит ни от какой «философии», ни от всего того, что живет «по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол.2:8). В этой независимости от какой бы то ни было исторической случайности или естественной обусловленности – вся истинность, характерная для вертикальной линии Предания: она неотделима от христианского гнозиса [21](#), «Познайте Истину и Истина сделает вас свободными» (Ин.8:32). Нельзя ни познать Истины, ни понять слов Откровения, не приняв Духа Святого, а «там, где Дух Господень, там и свобода» (Кор.3:17)».

5. О старообрядческом расколе 17 века в Русской Церкви

Патриарх Никон, изменяя русские богослужебные чины и церковные обряды по современным ему греческим образцам, исходил из ошибочного взгляда, что «существующие у нас с греками различия в чинах и обрядах растлевают нашу веру»[22](#), почему устранение этих различий считал делом таким же необходимым, как и «очищение Православия от ересей и погрешений»[23](#). Отсюда крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности, к которой Патриарх Никон приступил вскоре после вступления на Патриаршую кафедру в 1658 году. Единоличным и совершенно немотивированным распоряжением Патриарха Никона отменялся прежний обычай класть при чтении молитвы св. Ефрема Сирина 16 великих поклонов и совершать крестное знамение двумя перстами. За последним обычаем, двуперстием, стоял авторитет Стоглавого собора (1551),

который вменил в обязанность всем русским православным христианам полагать на себя крестное знамение только двумя перстами.

Патриарх Никон, при всем величии своего положения и патриаршей власти, не имел права единолично отменять постановление Стоглавого Собора относительно двуперстия²⁴.

Кроме того в форме перстосложения увидели не что иное, как «ересь». Так, Патриарх Никон в своей речи на Соборе 1656 года заявил, что сложением перстов при двуперстном крестном знамении «неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы... и таинство Воплощения»²⁵.

Смешивая обряд с догматом, Патриарх Никон, как было сказано выше, смотрел на различия в обрядах как на различие в вере. При таком воззрении наличие и употребление двух форм одного и того же обряда исключается: одна из форм, в данном случае троеперстие, признается истинной, православной, а другая, в данном случае двуперстие, ложной, еретической. Если Патриарх Никон пришел к твердому убеждению в православном характере современных ему греческих обрядовых форм, в том числе троеперстия, что на самом деле так и есть, а русские обрядовые формы, в том числе двуперстие, признал неправильными и даже еретическими, чего на самом деле нет, то противники его реформ, придерживаясь по существу одинаковых с Патриархом Никоном воззрений на обряд, как на догмат, были убеждены в обратном. Когда двуперстие, принятое русскими от греков вместе с православной верой, было объявлено за еретический обряд, то ревнители русской церковной обрядности, в порядке ее охранения, естественно, должны были увидеть то же самое в троеперстии.

Непосредственными причинами, вызвавшими старообрядческое движение можно считать:

1. богословское непонимание сути церковной реформы Патриархом Никоном и его противниками; сильная привязанность русских людей к обрядовой стороне христианской религии вплоть до усвоения церковным обрядам догматической неизменности (что объясняется недостатком просвещения).
2. неправильный метод реформ, исправления текста богослужебных книг и

изменения церковных обрядов при Патриархе Никоне;

3. участие в этой реформе некоторых греческих иерархов, стремившихся поднять упавший после Флорентийской унии греческий авторитет в России, что привело не к желаемому смягчению противостояния, а к неоправданному его обострению вплоть до необоснованных анафематствований.

Исходя из правильного понимания различий между догматом и обрядом, в соответствии с предначертанием Предсоборного Присутствия и Поместного Собора 1917-1918 гг., а также с решением Патриаршего Священного Синода и епископата Русской Православной Церкви от 10 (23) апреля 1929 года, Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 года обоснованно упразднил клятвы со старообрядцев. Остается ожидать возвращения в лоно Матери-Церкви настолько это будет возможно большего числа отпавших некогда от нее в старообрядческий раскол 17 века.

Литература:

1 Сильвестр, еп. Опыт Православного Догматического Богословия. К., 1892. С. 2-3.

2 Там же. С. 3.

3 [Викентий Лиринский](#), преп. Напоминания (Трактат Перегринна о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новизн всех еретиков). Казань, 1904. С. 42.

4 Константин (Горянов), архиеп. Курс лекций по Догматическому богословию, рукопись. СПбПДА, 1999.

5 Кирилл, архиепископ Александрийский. «На святой символ» // Антология Восточные отцы и учителя Церкви V века. М., 2000. С. 114-115.

6 Амвросий (Погодин), архим. 1994. С. 333.

7 Преподобный [Викентий Лиринский](#) о Священном Предании Церкви. СПб., 2000. С. 441.

8 Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 30-31.

9 Преподобный [Викентий Лиринский](#) о Священном Предании Церкви. СПб., 2000. С. 31Ц32.

10 Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т.1. М., 1958. С. 54.

11 Игнатий (Брянчанинов), свт. Понятие о ереси и расколе. СПб., 1997. С. 21.

12 Там же. С. 33.

13 Преподобный Викентий Лиринский о Священном Предании Церкви. СПб., 2000. С. 232-233.

14 Там же. С. 521.

15 Иоанн Кронштадский, прав. «О кресте Христовом». М., 2007. С. 47, 151.

16 Василий, архим. Входное. Богородице-Сергиева Пустынь, 2007. С. 61, 63.

17 Василий, архим. Входное. Богородице-Сергиева Пустынь, 2007. С. 62-63.

18 Лосский В.Н. Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. № 1. 1950. С. 16.

19 Там же. С. 20.

20 Там же. С. 21.

21 Лосский В.Н. Предание и предания // Журнал московской патриархии, 1970, №4. С. 54.

22 Голубинский Е. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905. С. 61.

23 Там же. С. 62.

24 Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского НИКОДИМА на Поместном Соборе 31 мая 1971 года.

25 Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви, т. XII изд. 2. С. 192-193.